

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2008 г.

Т.Ю. Якушева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Lovely71@inbox.ru

Поступила в редакцию 21.04.2008

Анализируется концепт «справедливость» в русской православной культуре в сопоставлении с западноевропейским понятием. Концептуализация «справедливости» рассматривается на уровне обычаев, церковных заповедей и законов. Делается предположение о наличии в данном концепте смысловой лакуны, обусловленной в том числе и лингвистическими факторами.

Ключевые слова: справедливость, лингвистическая относительность, православная культура, правовые нормы, смысловая лакуна.

Концепт справедливости, сложившийся в православной культуре отличается своей противоречивостью и неоднозначностью. На самом деле, в этом нет ничего страшного или удивительного. Универсальные культурные концепты потому и вечны и универсальны, что периодически по отношению к ним можно задавать вопрос «что есть...»: что есть красота, благо, зло, справедливость и т.д. В них содержатся своеобразные смысловые лакуны, которые заполняются в зависимости от культурного окружения.

Справедливость, согласно философскому энциклопедическому словарю, выпущенному издательством «Советская энциклопедия» в 1983 году [1], – это понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. Справедливость – категория морально-правового, а также социально-политического сознания. Так, понятие «справедливость» содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость.

Однако то самое «должное» и эталон, которому необходимо соответствовать, дифференцируется не только в различных культурах, но и в понимании людей, принадлежащих одному обществу.

Понятие справедливости получается полым, у него есть каркас, форма – понятие о должном, но наполнение ситуационно.

Однако складывается впечатление, что в современной российской культуре лакуна внутри концепта «справедливость» так и осталась не заполненной. Приведем для сравнения определение понятия из французского толкового словаря *Le Petit Robert*:

1. *Juste appréciation, reconnaissance et respect des droits et du mérite de chacun* (правильная оценка, признание и уважение прав и достоинства каждого).

2. *Principe moral de conformité au droit positif (légalité, loi) ou naturel (équité)* (моральный принцип соответствия позитивному (легальность, закон) или естественному (равенство) праву).

3. *Pouvoir de faire régner le droit; exercice de ce pouvoir* (власть установить главенство права; применение этой власти).

4. *Organisation du pouvoir judiciaire; ensemble des organes chargés d'administrer la justice, conformément au droit positif* (организация юридической власти; совокупность органов, обязанных защищать справедливость в соответствии с позитивным правом).

5. *L'ensemble des juridictions de même ordre, de même classe* (совокупность судебных органов одного порядка, одного класса).

6. *LA JUSTICE, personnifiée par une femme aux yeux bandés portant une balance et un glaive. «La Justice», fresque de Raphaël* (Справедливость, изображенная в виде женщины с завязанными глазами, держащей весы и меч. «Справедливость», фреска Рафаэля) [2].

Из приведенного примера видно, что во французской культуре смысловая лакуна

концепта «справедливость» заполнена, в качестве эталона выступает право (позитивное или естественное), исторически оно было зафиксировано сначала на Ассамблее 1789 года, составлявшей конституцию, и затем в конституции 3 сентября 1791 года.

Также у концепта есть визуализированный образ в виде фрески Рафаэля, впоследствии он пришел и в русскую культуру, но соотносится, скорее, с идеальным образом суда.

Во французском концепте сочетаются и моральный принцип, и его реализация, справедливость и юстиция не разделяются. Тогда как в русском два эти понятия разведены. Русское слово «справедливость» подразумевает правильное знание и соответствующее ему действие, но только такое, которое предполагает ответное действие по отношению к объекту. Данное правило закреплено в русских поговорках: «око за око», «как аукнется, так и откликнется». Вроде бы равенство закреплено правом, законом, но русские пословицы показывают, что для обывателя закон и справедливость – далеко не одно и то же.

Рассмотрим данное положение на примере пословиц. В книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» в статье «приличие – вежество – обычай» насчитывается 232 пословицы, тогда как в разделе «закон» – только 23.

При этом только три из них могут считаться содержащими положительную оценку: «Незнанием закона никто не отговаривайся!», «Закон назад не пишется (задним числом)», «Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать».

В основном же пословицы раскрывают двойственное и условное восприятие законов: «Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты», «Где закон (или: заповедь), там и преступление», «Строгий закон виноватых творит (или: велику вину творит)», «Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», «Все бы законы потонули да и судей бы перетопили», «Кто законы пишет, тот их и ломает», «Нужда закона не знает», «Про нужду закон не писан» и др. [3] Эти пословицы подтверждают тот факт, что «самые плохие законы – в России, но этот недостаток компенсируется тем, что их никто не исполняет» (М.Е. Салтыков-Щедрин). По контрасту в английских пословицах закон оценивается положительно «We live by laws, not by examples», «Customs rules the law» [4].

В русских пословицах обычай прямо ставится выше закона «Обычай старше (сильнее) закона»; указывается необходимость следовать необходимому порядку «Что в людях, то и у нас», «Безобычному человеку с людьми не жить», «Невежа и Бога гневит», «Не дорого ничто, дорого вежество», «Что город, то норы, что деревня, то обычай», «В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь», «Не вались с тропы (т. е. не иди против обычая)» и др. Естественно, в пословицах закреплены и непосредственные нормы поведения, впоследствии принявшие метафорическое значение.

Исходя из пословиц, можно сделать вывод, что в русской культуре понятие справедливости, скорее, связано с понятием «правды» и «обычая», чем с понятием «закон». В пословицах, посвященных правде, как раз и видим ярко выраженное «требование соответствия должному», где видно, что в виде эталона выступает первое, иницирующее действие по отношению к субъекту: «Какова работа, такова и плата (и наоборот)», «По товару и цена (или: и пошлина)», «Какова пелена, такова ей и цена», «По барыне и говядина», «Плата тою же монетою» и т.д.

Однако непосредственно слово «справедливость» не употребляется, нет его ни в словаре Даля, ни в современном словаре Степанова Ю.С. «Константы: словарь Русской культуры» (М., 2004), ни в «Антологии концептов» под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина (М., 2007).

Обратимся к этимологии. Этимологически латинское *justitia* (юстиция), легшее в основу западноевропейских слов, восходит к *jus* (право). Русское «справедливость» произошло от двух слов: «правильный» (истинный, верный) и «ведать» – «с-пра-ведливость». Недаром слово «справедливость» часто употребляется в контексте в качестве синонима «правильно», «истинно». На наш взгляд, это наиболее заслуживающая доверия точка зрения, однако не единственная. В текстах юридического типа по аналогии с западноевропейской «юстицией» в основу слова «справедливость» кладут «право», смешивая тем самым два понятия. Украинская газета «Славянская инициатива» трактует «справедливость» следующим образом:

«Мы, люди, объединенные вокруг «Славянской инициативы», недаром говорим не просто об устойчивой концепции развития общества, но именно о «Славянской концепции справедливости» и о формуле

«Высшая справедливость для всех», отражающей суть нашей объединительной идеи. Даже этимологически русский язык затрагивает понятие справедливость гораздо глубже, нежели латынь и ее производные. Ведь рассмотрев обе части славянского слова «справедливость», можно трактовать его как «ведать Правь», или, что еще глубже, «ведать с Правью». Как известно, Правью наши далекие предки называли Божественный мир, нравственный закон, управляющий человечеством. И именно славяне подчеркнули тождественность терминов «справедливость» и «Правь» (в данном случае Бог). При этом они заложили путь достижения справедливости в саму формулировку слова, не оставив для истинно мудрых («имеющий уши да услышит») никаких секретов. Правь нужно ведать, то есть познавать». [5]

И это еще только касательно этимологии, несмотря на свою дискуссионность все-таки строящейся на фактах. А что уж тут говорить про смысловое наполнение?

Почему эта тема кажется нам столь актуальной? Каноны красоты меняются от поколения к поколению, и никто не видит в этом ничего фатального.

Однако актуальность рассматриваемой темы, также как и выбор именно этого концепта обуславливается не только вечностью и универсальностью вопроса, но и его непосредственной связью с экономико-политическими отношениями, существующими в обществе. Вопрос о справедливости встает в любом коллективе, где между людьми существуют какие-либо отношения, и есть возможность распределения благ и обязанностей. Любое действие, инициирующее или ответное, подлежит оценке с точки зрения справедливости. При этом оценка справедливо/не справедливо является безусловно положительной и во многом определяющей.

Каждый русский человек интуитивно ощущает, что наше чувство справедливости отличается от западно-европейского. Действительно, мы скорее чувствуем «справедливость» по отношению к той или иной ситуации, чем понимаем рационально.

В чем же причина?

Исходя из теории лингвистической относительности, попробуем найти одну из причин в языке. Даже сейчас общество во многом осталось обусловленным выбранной им 2000 лет назад религией и тем языком, на котором эта религия была принята.

У Западной Европы и России есть общие вехи в истории. Варварские племена были христианизированы. Христианство как изначально надэтническая религия принималось западной Европой на надэтнических языках: латыни и греческом. Местные языки оставались средством общения, на основе которых впоследствии образовались «койне» – национальные языки, а греческий и латынь были священными языками богослужения и науки. Наследство античной цивилизации, принятое вместе с Писанием, было не полно, многое утерялось, но, тем не менее, оно было огромно и бесценно для молодых варварских культур. Запад принял это наследство естественно, вместе с греческим и латинским языком. Конечно, и здесь «палка о двух концах»: богослужение на латинском плохо воспринималось населением и в большинстве своем оставалось не понятным, недаром библейские истории передавались в витражах, как в Библии для малограмотных. Но с другой стороны для высшего духовенства и аристократии античная литература была доступна и близка. Запад принял вместе с языком высокоразвитый понятийный аппарат, логику и грамматику. Как построенные римлянами дороги во многом обусловили экономическое развитие Европы, так и в культуре европейцы шли проторенными дорогами, имея хорошую основу, на которую можно было опереться.

Россия же начала с чистого листа. Мы тоже приняли Писание, но приняли его не основанное на античной культуре, приняли как самодостаточный священный текст, переведенный на новый язык. Кирилл и Мефодий создали в 60-х – 80-х годах IX века славянский алфавит, основываясь на болгарском языке. Болгарский монах Храбр написал о создании славянской азбуки в конце IX века рассуждение «О письменах». В трактате автор показывал, почему славянам не подходило греческое письмо – какие именно славянские звуки требовали особых букв. Трактат стал очень известен под разными названиями, во многих редакциях и в списках. Ученый трактат постепенно становился легендой, облик Константина-Кирилла Философа постепенно сближался то с крестителем Руси, то с мифологическим образом культурного героя – создателя письма. Во всех культурах создатели письма всегда пользовались почетом и уважением, в основном их считали богами, или, по крайней мере, святыми. Н.Б. Мечковская в своей книге «Язык

и религия» описывает этот феномен в разных культурах [6].

Так, древние евреи считали, что вначале существовало более древнее «божественное» письмо: Яхве дает Моисею на горе Синай скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим (исход). Позже появилось «человеческое письмо: И сказал мне Господь: возьми себе большой свиток и начертай на нем человеческим письмом... (Исаия). Согласно позднееврейским легендам, письмо, а также астрологию создал Енох (по книгам Бытия, Енох – потомок Адама и прадед Ноя, взятый богом живым на небо).

В исламе сам Аллах был создателем арабского письма; те знаки, с помощью которых был впервые записан Коран (651 г.), как и Откровение Аллаха, изначально пребывали на небе.

Вместе с тем миф о божественном создателе письма – это часто последний миф, им как бы завершаются мифопоэтические традиции. У некоторых народов рассказы об изобретении письма принадлежат уже не мифологии, а историческому преданию. В христианских традициях создатели письма обычно канонизированы. Так, причислен к святым готский епископ Ульфилла (ок. 311 – ок. 383), создатель письма и переводчик Библии на готский язык, канонизирован создатель армянского письма Месроп Маштоц (361–440). Русская Православная церковь чтит святого Стефана Пермского (ок. 1345 – 1396), крестителя и епископа зырян (коми), составившего древнепермскую азбуку, употреблявшуюся до конца XVII в. Конечно, к святым причислены и Солунские братья Кирилл и Мефодий, а созданный ими язык был возведен в ранг «апостольского».

Но Запад не признал божественности славянского языка. Римская курия придерживалась ортодоксальной теории трехязычия и признавала «богодуховенными» только еврейский, греческий и латинский языки.

Вот как описывает это Г.Г. Шпет в «Философских этюдах»:

«Россия вошла в семью европейскую. Но вошла как сирота. Константинополь был ей крестным отцом, родного не было. В хвастливом наименовании себя третьим Римом она подчеркивала свое безотечество, но не осознавала его. Она стала христианской, но без античной традиции и без исторического культуропреимства. Балканские горы не дали излиться истокам древней европейской культуры на русские

равнины. Тем не менее, в наше время произносятся слова, будто Россия более непосредственно, чем Запад, восприняла античную культуру, так как-де почерпала ее прямо из Греции. Если бы это было так, то пришлось бы признать, что Россия эту культуру безжалостно загубила. Россия могла взять античную культуру прямо из Греции, но этого не сделала» [7]. Во главу угла Шпет ставит язык. Запад принял христианство на языке античном. Благодаря латинскому языку, античная культура стала доступной для образованной части духовенства и знати. В Россию же Библия пришла на болгарском языке. «Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль...» Во время Ренессанса на Западе, старец Елизарова монастыря хвалился: «Аз сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не техох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философами в беседе не бывал, – учюся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха». А Иерусалимский патриарх Досифей в 1686 г. писал в Москву: «довольна бо есть православная вера ко спасению и не подобает верным прельщаться чрез философию и суетную прелесть» [7].

Россия отгородилась от Запада своей особенной религией, которая еще более по-особому зазвучала в переводе на славянский язык. Споры о пользе или вреде такого акта не утихают до сих пор. Получается, что на Руси все было сделано наоборот. Если Запад на основании Писания строил свои языки, то мы своим языком пересказали Писание, изменив его под себя. Данное предположение звучит почти как богохульство, но откуда было взяться понятийному аппарату, метафорическому и символическому мышлению? Не было таких понятий, не было и наименований, или, наоборот, не было наименований, значит не было и тех смыслов, которые вкладывались изначально. Время Апологетики и Патристики в Западной Европе – это время толкования текстов, развитие классической логики, чтение не только священных книг, но и Аристотеля, Платона. Монастыри становились оплотом государств, религия – государствообразующей сферой.

В средние века именно культурно-религиозные миры (а не государства и не этнические общности) определяют политическую карту мира. Каждый такой мир включает множество этносов, объединенных одной религией, общим надэтническим языком своего вероучения и

общей книжно-письменной культурой. В те времена конфессиональные различия между группами населения обладали большей значимостью, чем различия этнические, языковые или государственные. Не случайно большинству войн приписывали религиозный характер [6].

В течение веков государства секуляризовались, и сейчас можно говорить о недопустимости доминирования церкви над светской властью в современном мире, чтобы не повторить истории религиозных войн. Но в «социальной доктрине» Русской православной церкви государству все же отводится вторая роль. В обосновании данного принципа делается ссылка на Древний Израиль, где «до периода Царств существовала единственная в истории подлинная теократия, то есть богоуправление»: «По мере удаления от послушания Богу как устройтелю мирских дел люди начали задумываться о необходимости иметь земного властителя». Бог сожалеет об этом, но разрешает новую форму правления. «Таким образом, возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления. Господь ожидает от этой власти верности Его заповедям и творения добрых дел». Иисус говорит о послушании власти в разговоре с Пилатом: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было тебе дано свыше». Ап. Павел писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти Богом установлены». Апостолы учили повиноваться властям независимо от их отношения к церкви. «В Православной традиции сформировались определенные представления об идеальной форме взаимоотношений между Церковью и государством. Идеальная форма исторически может быть выработана лишь в государстве, признающем Православную Церковь величайшей народной святыней, – в государстве православном».

И это нормальное положение вещей: Бог выше государя, и каждая религия нуждается в монополии. Но Церковь при этом должна выполнять функции «морального законодателя». Г.Г. Шпет пишет, что в допетровскую эпоху «церковь не была в состоянии оправдать надежды государства, а государство не могло сделать церковь своим орудием. Умственный и культурный уровень духовенства опускался до полной безграмотности и нравственной распущенности. Попытки выправить ситуацию

также принимались не с помощью просвещения, а через приказы. /.../ Факт завершающегося образования государства идеологически запечатлелся принятием идеи третьего Рима, как официального мировоззрения уже ответственных руководителей царства. /.../ Нужна ли была для этого наука и философия? Нужно было: Четьи-Минеи и Степенная книга митрополита Макария, да Домострой попа Сильвестра. /.../ Государство шло своим путем. Самобытное не было задавлено ни греческим, ни западным влиянием. Русский народ оставался благочестивым, но невежественным».

В допетровской России система преподавания языка разительно отличалась от европейского метода, где языки преподавались вместе с латынью. На Руси вплоть до XVII века церковно-славянская грамота изучалась посредством заучивания Псалтыря и Часослова. Такой способ обучения существенно влиял на культурное и языковое сознание субъекта, на его деятельность. В результате такого изучения языка в сознании человека складываются готовые блоки описания ситуаций, действий и переживаний, которые автоматически воспроизводятся в ситуации реальной жизни. Язык в таком случае полностью доминирует над индивидом, индивидуальное сознание поглощается главенствующей ментальной традицией [8].

Беспристрастна ли справедливость?

В фильме «12 разгневанных мужчин» (12 angry men) прекрасно показана одна из граней концепта «справедливость» по-американски. Один из героев-присяжных произносит фразу: «Справедливость состоит в том, что мы должны быть беспристрастны. Мы лично от вынесенного вердикта ничего не получаем». Действительно, беспристрастность входит в определение справедливости. Это указывается даже в «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка».

Первое определение слова «справедливый»: «Такой, который действует беспристрастно в соответствии с истиной; основанный на беспристрастном, правильном отношении к кому-либо, чему-либо». Однако в реальности, как отмечалось ранее, «справедливость» для русского человека реализуется в ответном действии, то есть он заинтересован в чем-либо. Это может быть не личная заинтересованность, она может касаться другого члена коллектива, но нарушение законов-обычаев общества касается каждого. В России всегда было очень сильно чувство соборности, коллективизма, ответственности одного за другого. В деревне и

на фабриках в царской России, в колхозе и на предприятиях России советской проблемы решались всем миром. Справедливость во многом была и до сих пор остается основанной на обычае. К ней так и не привились ни церковные, ни законодательные аспекты. Справедливость как свод правил действовала только внутри своего круга, не выходя за его пределы. У чиновничества, дворянства и духовенства она была уже другой.

Кроме того, для языковой ситуации, предшествовавшей появлению общенационального языка, было характерно употребление разнообразных языковых средств. В России на равных правах употреблялись церковно-славянский язык, используемый в основном церковью, «приказной» или «подьяческий» – при ведении государственных дел и живой общеразговорный русский язык, наиболее полно удовлетворяющий потребности людей в их общении и повседневной жизни [8]. В результате получалось так, что простой человек не понимал ни языка церкви, ни языка власти. Он был окружен смысловой лакуной и воспринимал приказы, решения суда и т.п. как волю свыше, которую понять нельзя, но выполнять надо. Недаром слова «суд» и «судьба» – однокоренные в русском языке. Полное незнание законов своей страны приводило к тому, что решение суда воспринималось как перст судьбы. Поэтому судебное законодательство не ассоциируется со справедливостью. Решение суда – это судьба, а все арестанты – несчастные. Борьба с судьбой бесполезно: «Бог терпел и нам велел».

Восприятие несчастных и обиженных в русской культуре также особенное. Ю.С. Степанов в книге «Константы: словарь русской культуры» в главе «Нравственный закон» приводит разговор иностранца с афонским отшельником. Иностранец спрашивает, за что, по мнению отшельника, Бог мог покарать Россию и послать ей столько несчастий. Отшельник отвечает: «Потому что возлюбил больше. И больше послал несчастий. Чтобы дать нам скорее опомниться. И покаяться. Кого возлюблю, с того и взыщу и тому особенный дам путь, ни на чей ни похожий...» [9]. Слова его сводились к тому, что, хотя Россия многое пережила, перестрадала, многое из земных богатств разорено, но, в общем, от всего этого она выигрывает.

Религиозный моральный кодекс

В культурах, основанных на Писании, эталоном справедливости все явственнее становится религиозный моральный кодекс.

Государство, общество, человек могут быть не справедливыми, но Бог справедлив всегда.

Христианский моральный кодекс проистекает из библейских десяти заповедей, к Ветхому завету восходят десять канонических заповедей всех христианских вероисповеданий. Проблема в том, что в них выражена только одна часть уговора, но ничего не говорится ни о награде, ни о наказании. Результат, соответствующий его действиям, человек увидит только в загробной жизни. К тому же в большинстве своем доступ к священному знанию имели только священнослужители. В западноевропейской культуре на основании заповедей складывается светская этика.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в православной культуре.

«Православие не знает автономной этики, которая представляет преимущественную область и своеобразный духовный дар протестантизма. Этика для православия религиозна, она есть образ спасения души, указуемый религиозно-аскетически. Религиозно-аскетический максимум здесь достигается поэтому в идеале монашеском как совершенном следовании Христу в несении креста своего и самоотречения. Высшие добродетели для монашества суть достигаемое через отсечение своей воли, смирение и хранение чистоты сердца. /.../ Православие не имеет разных масштабов морали, но употребляет один и тот же масштаб в применении к разным положениям жизни. Оно не знает и разной морали, мирской и монашеской, различие существует лишь в степени, в количестве, а не в качестве. Можно в этом прямолинейном максимализме монашеского идеала видеть нежизненность и мироотреченность православной морали, которая оказывается безответна пред вопросами практической жизни в ее многообразии. Поэтому может казаться, что преимущество оказывается на стороне гибкого и практического католицизма с его двумя моральями, для совершенных и для несовершенных (заповеди и советы), также как и протестантизма с его мирской этикой повседневной честности. Нельзя отрицать, что всякий максимализм труднее минимализма и в своих неудачах и искажениях может вести к худшим последствиям. Однако негибка и максималистична сама истина, которая терпит неполноту своего существования, но не мирится с умалением или полумистинами. Христианский путь есть путь узкий и нельзя его расширять», – пишет С.Н. Булгаков в разделе «Этика в

православии» книги «Православие. Очерки учения православной церкви» [10]. Однако не стоит забывать, что писал это Булгаков уже в XX веке. А в начале, при проникновении христианства на Русь знал ли, понимал ли народ ту религию, которую насильно принял?

Предполагалось, что переведенная Библия станет доступной людям. Но малограмотное население в большинстве своем не могло прочитать ни на каком языке. Такая ситуация была не только среди крестьянства, но и среди низшего духовенства. Деревенский поп, такой же крестьянин, выбранный на сельском сходе, не читал Псалтырь, а рассказывал по памяти, так как знал наизусть из церковных служб. Люди верили, не понимая, продолжая жить обычаями.

В этом смысле очень любопытным является рассмотрение еврейской культуры, которая может служить примером полного слияния государства и религии, где религия во многом играет доминирующую роль. По отношению закона к обычаю выделяется еврейское законодательство – Галаха. Галаха не проводит различия между обычаем и обрядом, одинаково трактуя их как общепринятую коллективную практику – *минхаг*. Письменный Закон (т.е. библейское законодательство, содержащееся в Пятикнижии, в отличие от устного Закона, кодифицированного в Талмуде) предполагает закрепление определенных обычаев, которые практиковались и до его установления. Еврейское право, как и всякая другая правовая система, в известной степени проистекает из установившихся в обществе обычаев. Исторический источник таких законов – обычаи, в то время как их юридический источник – библейское законодательство, дающее соответствующему обычаю легитимацию и юридическую силу. На всех стадиях развития еврейского права обычай выполнял такую историческую роль, подготавливая определенные общественные нормы для включения их в качестве законов в правовую систему. Наряду с исторической ролью обычай часто служил прямым источником закона, то есть рассматривался в

качестве обладающего юридической силой, не требующей дополнительного законодательного подтверждения; такой статус обычая был следствием того, что он представлял собой общепринятую норму. В качестве источника права обычай использовался еврейскими законодателями в тех случаях, когда Галаха не давала ответ на вновь возникшую проблему, либо когда появлялась необходимость изменить существующие юридические нормы или распространить их на новую правовую область.

Несомненно, даже тогда, когда правовые нормы зиждутся на обычае, они испытывают определенное влияние законоучителей-галахистов, однако непосредственным источником таких правовых норм остается коллективное правовое творчество народа. В основе наделяния коллектива таким законодательным авторитетом лежит презумпция, согласно которой поведение народа определяется Торой (в широком смысле), и потому его спонтанное правовое творчество всегда соответствует духу Торы.

Итак, во многих случаях *халаха* представляет собой не что иное, как формулировку издревле сложившегося в народе обычая. Некоторые обычаи столь же обязательны, как и законы, другие – не более, чем всеобщее согласие в тех случаях, когда не существует установленной халахи. За нарушение обычая следует наказывать так же, как и за нарушение закона халахи (ТИ., Псах. 4:3, 30 г). В некоторых случаях обычай может отменить Галаху [11].

Видимо, настолько тесное взаимопроникновение обычаев, законодательства и религии обусловлено тем, что евреи не заимствовали чужую культуру в такой степени, как европейцы. Их священные книги написаны на их родном языке, обычаи, несмотря на рассеянность их по миру, были сохранены, даже если изменено или утрачено их значение и с древности была сохранена концептосфера именно этой культурной общности, что предотвратило появление смысловых лакунов.

Вывод

CONCEPTUALIZATION OF “JUSTICE” IN THE ORTHODOX CULTURE

T.Y. Yakusheva

In the article analyses a concept of “justice” in the Russian orthodox culture in comparison with West-European one. Conceptualization of “justice” is examined on level of customs, religious precepts and laws. Supposition is made the presence of sense emptiness in this concept, determined by linguistic factors as well.

В русской православной культуре концепт справедливости образует своеобразную смысловую лакуну, которая заполняется ситуационно, при оценке ситуации. Ни обычаи, ни церковные заповеди, ни законы не могут претендовать на роль эталона, в качестве точки отсчета выступает иницирующее действие.

В отличие от западноевропейской культуры, где обычаи заменялись церковными заповедями, затем построенной на их основе светской этикой и законодательством, в русской православной культуре обычаи были уничтожены христианством, но на их место не пришло понимание моральных норм ни библейских, ни государственных. Писание, принятое на церковнославянском языке, приобрело черты национального характера, но не повлияло на национальную самобытность.

Список литературы

1. Советская философская энциклопедия/ Под ред. Ильичева Л.Ф., Федосеева П.Н., Ковалева С.М., Панова В.Г. М.: Советская энциклопедия. 1983.
2. Le nouveau Petit Robert / Rey-Debove J., Rey A. Paris: Dictionnaires le Robert. 2002.
3. Сб. В. Даля: в 3 т. / Даль В.И. М.: Русская книга, 1993.
4. Антология концептов/ Под ред. В.И. Карасика, И.А.Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
5. <http://slavdom.net.ua/index.php?num=03&jd=03>
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Гранд: Фаир, 1998. 370 с.
7. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 2002. 370 с.
8. Безлепкин Н. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии, СПб.: Искусство-СПб, 2002. 268 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проспект, 2004.
10. Булгаков С.Н. Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991.
11. <http://www.eleven.co.il/article>